

Михаил КОЗАКОВ:

«СО МНОЙ НЕ ПРОИГРАЕШЬ»

— Михаил Михайлович, вы как-то сказали, что отъезд в Израиль был закономерен и необходим.

— Израиль очень многому помог. Я, во-первых, преодолел совковый комплекс: как это я не поживу за границей? Израиль мне понравился. Я себе в Израиле — не слишком. Это вопрос второй. Израиль помог мне подойти к самому себе, помог мне обдумать многое, дал необходимый опыт. «Антреприза» там возникла, и Зоя родилась.

— Вы рассказывали интересную историю о том, что раньше вы могли дать десять концертов, каждый концерт стоил 75 рублей.

— Да.
— И вот у вас уже 750 рублей в кармане, вы были обеспечены на месяц вперед...

— Да, да.
— ...и жили безбедно. Не шикавали, конечно...

— Нет.
— ...но ни в чем себе не отказывали.

— Ну да.
— Сейчас проблема изменилась. Сейчас чтение стихов, которым вы и сами наслаждаетесь...

— Да.
— ...и доставляете удовольствие зрителям...

— Да.
— ...оно не приносит уже материальных каких-то...

— Нет, приносит. Раньше я мог приехать, скажем, в город Ростов-на-Дону и сыграть десять концертов. Сегодня я играю один, но мне за него и не 75 рублей платят. Другое дело, что проблема иная: те люди, которые, может быть, хотели бы пойти на эти концерты, не могут себе позволить купить дорогие билеты, а билеты, естественно, стоят дорого.

— А сколько стоит билет у вас?

— Для провинции, допустим, 200 рублей — это высокая цена, и 50 рублей — это не слабо. Но на поэтические вечера, кстати, и цены гораздо ниже, чем на какой-то спектакль. Вот мы сейчас ставим спектакль «Играем «Стриндберг-блюз», и лучшие билеты стоят до 700 рублей. Но мы, конечно, рискуем все время, потому что мы же вкладываем свои деньги, занимаем, если нам не хватает. Этот спектакль стоит 60-70 тысяч долларов, да и больше.

— Вы тратите свои деньги?

— Конечно. А как?! Декорации, костюмы, актеры, художники, музыканты, запись музыки, реквизит, люди, реклама, аренда... Мы могли бы работать значительно проще, примитивнее. Взяли бы двух-трех актеров известных, три стола — и вперед. Успеешь кассу снять — хорошо. К сожалению, по этому принципу работают очень многие. Слово «антреприза» уже с подмоченной репутацией. Поэтому мы тратим деньги всерьез и на то, на что могли бы, скажем, не тратить. Ну, могли бы «Играем «Стриндберг-блюз» без дождя, без специального света, без квартета Бутмана, наконец, — без живой музыки, записали фонограмму — и вперед. То есть можно без того, без того, без того — проект будет дешевле. Но тогда это халтура называется, а не проект. Я бы и ставить такие спектакли не стал.

— Ваша жена — и костюмер, и продюсер, и директор...

— Сейчас так невозможно. Так мы начинали. Сегодня, поскольку расширяется наш репертуар, усложняется вся постановочная нагрузка, то, естественно, привлекаются новые люди.

— Все стало по-настоящему?

— Ну, не совсем. Мы не можем себе позволить «раздуваться» в большой театр и кормить бездельников, что, к сожалению, происхо-

дит в государственных учреждениях. И в этом смысле они у нас могут поучиться. Но это трудно. Я хочу сказать, это очень трудно. И за это нужно платить деньги. Конечно, за те деньги, которые люди получают в театрах, они не будут так работать. Но есть в этом и другая трудность. Поскольку я работаю еще и в муниципальном театре параллельно с «Антрепризой», я знаю, что это такое, когда большой штат. Мне как актеру комфортнее там играть, потому что большое число костюмеров, помощников. Поэтому актерам в «Антрепризе» в чем-то труднее. Хотя они имеют все необходимое: костюмы у них выглажены, гримеры у них присутствуют, реквизит тоже, все как бы нормально, но тем не менее антреприза вообще требует большей мобилизации и ответственности. Я всегда актерам говорю: «Играйте каждый спектакль как последний. Тогда, может быть, будет следующий». То есть пойдет хороший резонанс. Пусть сегодня у нас была неудача. Ничего, завтра будет день — будет хлеб. Это борьба. Это постоянная борьба.

— А решения вы принимаете коллегиально или все-таки Аня сама решает как директор?

— Вот поэтому нам не просто. Потому что мы в одной семье. И без семьи трудно согласовать все решения художнику и продюсеру, а когда в условиях одной семьи, это иногда даже мешает нашей личной жизни. Но что делать? Зато мы и радуемся вместе, когда принимаем то или иное решение и что-то у нас получается. Кстати, у Ани характер не менее крутой, чем у меня.

— А в чем это выражается?

— В чем? В темпераменте. У нее своя точка зрения, она ее отстаивает, и я отстаиваю свою. И коса на камень.

— Михаил Михайлович, вы — богема?

— Я — нет, не богема. Я нормальный советский человек.

— ???

— Уже подсчитано, что если бы «Покровские ворота» снимались сегодня, то фильм потянул бы примерно на миллион долларов. Можете себе представить такое кино о Москве? У меня есть хороший сценарий для телевизионного кино. Не «мыло», а сценарий нормальной одно-двухсерийной картины. Но начинаешь подсчитывать, выясняется, что камерная картина, где три действующих лица, стоит 400 тысяч долларов. У нас был спектакль в «Антрепризе», а потом его превратили в телефильм. Смета была 30 тысяч долларов! Вдумайтесь: на две серии! Поэтому снять его надо было за шесть съемочных дней. Я чуть не умер во время этой работы. Потом студийную декорацию снесли, а у меня еще были недосняты крупные планы и еще необходимые кусочки. Мы декорировали нашу квартиру, чуть не сожгли, и там я доснимал. Слава Богу, Аня дома не была. Но эти подвиги, не знаю, кому они нужны.

— Родиной они оценены?

— За 30 тысяч долларов. Сегодня клип дорожке стоит.

— Поэтому вы сейчас не снимаете кино?

— Нет. Я жду, что кто-то даст мне эти деньги, и я сниму. Но сегодня только ток-шоу, чтение стихов на канале «Культура» или где-то еще как максимум.

— А вы отказываетесь принимать участие в «мыле»?

— Да мне даже не предлагают, потому что знают, что я откажусь. Но если будет сниматься многосерийное и толковое что-то, типа «Мастера и Маргариты», я приму участие.

— У Михаила Михайловича губа не дура, а? Не что-то там, а вот сразу «Мастер и Маргарита».

— Ну а чего же мелочиться? «Война и мир» тоже, еще получше сочинение, или «Анна Каренина». Но, увы, не будут у нас снимать эти фильмы.

— Почему творческие люди так не любят просить? Ведь чиновники в принципе для того и предназначены. Вы в своей жизни часто просили?

— Я просил не часто, но иногда, конечно, обращался. И вот одна просьба была удовлетворена — насчет офиса.

— А где, кстати, это здание? — Метро «Красные ворота». Мы

занимаем этаж, и там комнатки всякие, где мы работаем и репетируем. А играем мы в театрах. Арендуем. Сегодня мы играем в театре Моссовета, завтра — на Бронной, послезавтра — в Театре им. Пушкина. У нас нет постоянного адреса, и не всегда наш зритель знает, где мы играем. И есть ли мы вообще. Это составляет некоторую сложность. Мы ездим непрерывно. Если взять географию, это страшно вспомнить. Это от Владивостока до Нью-Йорка в буквальном смысле слова. Это не преувеличение. Мы играем везде, где есть театральный зритель. Везде, куда зовут. Но, конечно, можно было бы играть больше в Москве, если бы было вот это здание бродвейского типа, которое бы сдавалось не только нашей «Антрепризе», любой другой тоже. Допустим, Театр антрепризы. Мы говорим о бродвейской системе, когда десятки зданий не принадлежат тем театрам, которые в них играют, а принадлежат частным лицам и мэрии. И они сдаются. А у нас проблема — где площадку найти, чтоб сыграть. Мы ж не можем играть по клубам. У нас декорации, нам нужен театральный свет. Значит, должна быть хотя бы одна такая театральная площадка.

— Мэрия поддерживает вашу идею о создании русского Бродвея в Москве?

— Сколько я ни говорил, ни писал об этом, других людей ни подключал, воз и ныне там. Смотрите, как Москва гениально строится. Почему бы Юрию Михайловичу одно театральное здание не построить? Не понимаю. Самое интересное, что это не тот случай, когда мы просим: помогите, дайте денег. Мы готовы сами работать.

— А что для вас пустой зал? Это...

— Ужас. Мне мало приходилось играть даже в полупустых залах, но бывало, — и это катастрофа. Заметьте, сейчас очень многие играют в зальчиках и на 80 человек. Играют спектакль, даже хороший, и, как правило, в одном акте, чтоб, не дай Бог, в антракте и эти 80 не разошлись. А мы играем «Стриндберг-блюз» в зале, где тысяча мест, и аншлаги.

— Героические поступки совершаете?

— Да. Вот у нас есть зальчик 50 квадратных метров. Также можно усадить 30 человек и играть спектакль на коленях у публики. Я поэтому не понимаю, когда начинаются сравнения, ставят в один ряд спектакль, играющийся на большой сцене, и вот эти, может быть, даже и очень хорошие, но камерные спектакли, которые играют в полуподвалах. Это неправомерно. Все равно, что, так сказать, устроить соревнование между велосипедистом и тяжелоатлетом.

— Вам действительно пришлось три раза сыграть Дзержинского, чтобы потом получить возможность поставить «Покровские ворота»?

— Да, был такой случай в жизни. Борис Михайлович Хейсен сказал: «Сыграешь Дзержинского». Я сыграл. «Ну а теперь могу ставить «Покровские ворота»? — «Нет еще. Вот

Михаилу Козакову 67 лет. У него пятеро детей и столько же внуков. Он старше своей жены Ани на 25 лет. Вместе с ней Михаил держит театр «Русская антреприза Михаила Козакова». Временный отъезд на жительство в Израиль он считает необходимым для себя опытом. Как и последующие трудности со вхождением в московскую жизнь. Фильм «Покровские ворота» — самый популярный с его участием, но не меньше Михаилу памятны «Тень, или Может быть, все обойдется», «Визит дамы» и драма Толстого «И свет в окне светит». От антисемитизма не страдает. Театр, кино, телевидение, преподавание, писательство, чтение стихов. Михаил Козаков знал успех во всех этих областях!

— У Михаила Михайловича губа не дура, а? Не что-то там, а вот сразу «Мастер и Маргарита».

— Ну а чего же мелочиться? «Война и мир» тоже, еще получше сочинение, или «Анна Каренина». Но, увы, не будут у нас снимать эти фильмы.

— Почему творческие люди так не любят просить? Ведь чиновники в принципе для того и предназначены. Вы в своей жизни часто просили?

— Я просил не часто, но иногда, конечно, обращался. И вот одна просьба была удовлетворена — насчет офиса.

— А где, кстати, это здание? — Метро «Красные ворота». Мы

занимаем этаж, и там комнатки всякие, где мы работаем и репетируем. А играем мы в театрах. Арендуем. Сегодня мы играем в театре Моссовета, завтра — на Бронной, послезавтра — в Театре им. Пушкина. У нас нет постоянного адреса, и не всегда наш зритель знает, где мы играем. И есть ли мы вообще. Это составляет некоторую сложность. Мы ездим непрерывно. Если взять географию, это страшно вспомнить. Это от Владивостока до Нью-Йорка в буквальном смысле слова. Это не преувеличение. Мы играем везде, где есть театральный зритель. Везде, куда зовут. Но, конечно, можно было бы играть больше в Москве, если бы было вот это здание бродвейского типа, которое бы сдавалось не только нашей «Антрепризе», любой другой тоже. Допустим, Театр антрепризы. Мы говорим о бродвейской системе, когда десятки зданий не принадлежат тем театрам, которые в них играют, а принадлежат частным лицам и мэрии. И они сдаются. А у нас проблема — где площадку найти, чтоб сыграть. Мы ж не можем играть по клубам. У нас декорации, нам нужен театральный свет. Значит, должна быть хотя бы одна такая театральная площадка.

— Мэрия поддерживает вашу идею о создании русского Бродвея в Москве?

— Сколько я ни говорил, ни писал об этом, других людей ни подключал, воз и ныне там. Смотрите, как Москва гениально строится. Почему бы Юрию Михайловичу одно театральное здание не построить? Не понимаю. Самое интересное, что это не тот случай, когда мы просим: помогите, дайте денег. Мы готовы сами работать.

— А что для вас пустой зал? Это...

— Ужас. Мне мало приходилось играть даже в полупустых залах, но бывало, — и это катастрофа. Заметьте, сейчас очень многие играют в зальчиках и на 80 человек. Играют спектакль, даже хороший, и, как правило, в одном акте, чтоб, не дай Бог, в антракте и эти 80 не разошлись. А мы играем «Стриндберг-блюз» в зале, где тысяча мест, и аншлаги.

— Героические поступки совершаете?

— Да. Вот у нас есть зальчик 50 квадратных метров. Также можно усадить 30 человек и играть спектакль на коленях у публики. Я поэтому не понимаю, когда начинаются сравнения, ставят в один ряд спектакль, играющийся на большой сцене, и вот эти, может быть, даже и очень хорошие, но камерные спектакли, которые играют в полуподвалах. Это неправомерно. Все равно, что, так сказать, устроить соревнование между велосипедистом и тяжелоатлетом.

— Вам действительно пришлось три раза сыграть Дзержинского, чтобы потом получить возможность поставить «Покровские ворота»?

— Да, был такой случай в жизни. Борис Михайлович Хейсен сказал: «Сыграешь Дзержинского». Я сыграл. «Ну а теперь могу ставить «Покровские ворота»? — «Нет еще. Вот

у нас выходит еще два фильма про Дзержинского». Я и их сыграл. Должен вам сказать, что вообще-то играть Дзержинского интересно. Он очень неоднозначный человек. Я пытался как-то наметнуть на это, играя. Но, к сожалению, только наметнуть. Материала не было.

— А ведь в «Покровских воротах» вы открыли Меньшикова?!

— В каком-то смысле, может быть. Просто была удачная картина, и он там прозвучал. Это не первая его роль в кино была. Он снимался на Киевской студии, у Никиты Михалкова в «Родне».

— Вы сейчас дружите с ним?

— Мы в очень добрых отношениях. Другое дело, что у него такая закрученная жизнь. Мы видимся реже, чем мне бы хотелось.

— С кем из актеров у вас действительно близкие и добрые отношения, с кем вы на ножах?

— У меня хорошие отношения, скажем, с Олей Остроумовой, со Светланой Немольевой, с Сашей Лазаревым, со Стекловым Володей. У меня были и ссоры, но в основном у меня хорошие отношения с актерами. И даже когда они жаловались на трудности работы со мной, как, скажем, Екатерина Васильева, моя любимая, то потом ей нравилась картина «Визит дамы», где она сыграла. И вообще слухи о моем скверном характере сильно преувеличены, потому что никто со мной особых неудач в кинематографе не понес, а наоборот, были удачи. У того же Константина Райкина дважды — «Ночь ошибок» и «Тень, или Может быть, все обойдется». Я уж не говорю о покойном Олеге Дале, с которым мы, кстати, дружили. Никто не проиграл. Вертинская не проиграла, сыграв «Безымянную звезду». Многих можно было бы перечислить. Но я не хочу перечислять.

Однажды Григоровича спросили: «Скажите, в театре должна быть диктатура балетмейстера?» Он сказал: «Тирания должна быть». Мне очень понравилось. Не диктатура, а тирания. И я сейчас диктатор, и Ефремов был диктатором, и Марк Захаров диктатор.

— Все говорят, что роль Шейлока в «Венецианском купце» — лучшая из ваших последних ролей.

— Трудно сравнивать, скажем, Шейлока и «Цветок смеющийся». Там комедия чистой воды, и такая изящная. А здесь, так сказать, проблемная роль. И потом, конечно, — все-таки Шекспир, а не Эли Кварде.

— По сравнению с Америкой российский театр, скорее, мертв?

— Драматический театр, скорее, жив. Это у них мертв. А вот мюзикл, конечно. Тут они нам сто очков вперед дадут.

— Критики бурно обсуждают ваше творчество?

— Достаточно.

— Вместе с Догиловой и спектаклем «Невероятный сеанс» вы объездили всю Россию?

— Даже часть мира.

— У этого спектакля скабрёзный сюжет?

— Абсолютно нет. Это история о том, как у одного мужа возникло две жены, только одна жена с того света. Это такой дух, привидение, которое видит он один и даже может до него дотронуться. Поэтому о скабрёзности не может идти речи.

— Михаил Михайлович, расскажите про жену Аню.

— Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

— Вы проживаете сейчас былую популярность?

— Популярность всегда меняется.

— Михаил Козаков — народный артист России?

— И народный артист СССР.

Ольга ПЕТРОВА.

Kozakov Mikhail

6.02.2002